

Animedia

ПОЛ ХАГЕН

ПЯТЫЙ КАННИБАЛ

Том 2

из серии «Агент Август»

Психологический триллер

Прага
Animedia Company
2019

УДК 82-312.4

ББК 84(4)

X13

Хаген, П.

X13 Агент Август : Том 2. Пятый каннибал : [психологический триллер] / Пол Хаген — Прага : Animedia Company, 2019. — 400 с. — (Агент Август, возрастное ограничение 18+)

ISBN 978-80-7499-372-5

Кто-то ищет во Франции романтику и любовь... Другие находят страшные останки похищенных детей и изувеченный труп сексуальной красотки. Что остаётся агенту Августу в душном летнем Париже, когда его французская напарница и подруга неожиданно исчезает, а её квартира разгромлена и забрызгана кровью? Во второй книге сыщику придётся идти по следу пропавшей девушки, распутывать клубок подозрительных смертей, загадочных суицидов, изощрённых пыток и жутких убийств! Опасное расследование быстро превращает опытного охотника в загнанного зверя, на хвосте которого висит уголовная полиция, выслеживают наёмные убийцы, а его крови жаждут мрачные члены таинственного клуба, всем изысканным деликатесам предпочитающие свежую человеческую плоть. В таких условиях у агента мало шансов сохранить жизнь...

BIC FH

BISAC FIC031080

ISBN 978-80-7499-372-5

© Paul Hagen, 2019

© Animedia Company, 2019

И сказал ей царь: что тебе? И сказала она: эта женщина говорила мне: «отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра».

И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: «отдай же твоего сына, и съедим его». Но она спрятала своего сына.

Четвертая книга Царств, 6:28-29

Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.

*Послание св. апостола Павла
к Римлянам, 1:32*

ПРОЛОГ

Чёрт хрипит и мелко дёргает короткими рожками, пытаясь вырваться. Тощую козлиную бородёнку бьёт мелкая дрожь. Белоснежные белки испуганных глаз треснули от напряжения извилистой кровавой паутиной, огромные антрацитовые зрачки пульсируют и переливаются в предсмертной судороге.

Из красной отверстой пасти служителя ада потянулась вниз липкая ниточка слюны, похожая на длинное прозрачное щупальце инопланетного существа. Свиное рыльце с плоским смешным пятчком задралось вверх сизыми дырочками продолговатых ноздрей, словно собирается задорно хрюкнуть на луну.

Удача оставила нечистую силу. Цепкие жилистые руки в буристых червях синих вен давят шею под трясущимся кадыком, погружая узловатые скрюченные пальцы в упругую серую плоть умирающего. Слабеющий мозг задыхается без живительных пузырьков кислорода и притока свежей крови. Так тигровый питон спокойно и уверенно душит жертвы стальными чешуйчатыми кольцами холодного пятнистого тела — крепко, надёжно, без лишней спешки и ненужной суеты.

Проходит минута-другая. В голове приспешника сатаны щёлкает выключатель. Становится безразлично и легко. Сознание последний раз взрывается всполохами фиолетового северного сияния, а затем плавно гаснет и опускается в ватный покой.

Тогда, выждав для верности ещё несколько секунд, руки ослабляют хватку, разжимаются и отталкивают от себя тяжёлое обмякшее тело. Труп заваливается на стену и с тихим шорохом скользит по лоскутам выцветших аляповатых обоев в нелепый сиреневый цветочек, зацепив по пути откидной настенный календарь с фотографией бразильской статуи Христа-Искупителя.

Рогатая голова глухо бьётся об пол. Комочки серой глины, рассыпанные по старому облезлому паркету, синхронно подпрыгивают от удара. Рассохшиеся доски поминально клацают на прощанье костяшками цыганских кастаньет. Из-под копытца поверженного сатира, смявшего мелованную бумагу упавшего календаря, виднеется белая распростёртая рука Христа и выпуклые чёрные цифры «66».

Март 2014 года, Ле-Валь-Сен-Жермен
«Останки» — мерзкое слово, а ранняя весна — самая на-
стоящая сволочь. Заманит в ласковые объятия, зацелует,
защекочет, промурлычет на ушко: «Я пришла», а потом, когда ты
поверишь ей, расслабишься, скинешь толстые свитера и тяжёлые
шубы, вдруг обманет, обведёт вокруг пальца, неожиданно-негадан-
но закружит морозным снежком и дунет в лицо иголками инея.

Ещё днём казалось, что зима окончательно сдаёт вахту и
хорошая погода надолго пришла в регион Иль-де-Франс. Над
узкой, согретой солнцем, асфальтовой дорогой Сюёр, что в пя-
тидесяти километрах к юго-западу от Парижа извивается змеей
по лесу между двумя департаментскими трассами Д27 и Д116,
весь день клубился прозрачный влажный туман и пели оша-
левшие от неожиданного тепла птицы. Но стоило игривому
солнышку закатиться за верхушки голых деревьев, колючий хо-
лодный сумрак быстро сгустился над вечерним лесом, как вор,
пробираясь шаловливым мартовским ветерком за воротники
тёмно-синих курток.

Сырая прошлогодняя листва услужливо проминается под
высокими грубыми ботинками сотрудников Национальной по-
лиции, но не спасает от жирной липкой грязи. Мертвенно-голу-
бые отблески полицейских мигалок скользят по разложенным
на тёмном брезенте человеческим костям с рваными лоскутами
кожи в трупных пятнах цвета дохлой жабы, усохшими ошмётка-
ми мяса и коричневыми горками разложившихся кишок. Уны-
лый рядок черепов злобно скалится в фары машин мелкими

пожелтевшими зубками. Свет теряется в пустых глазницах, как в мистических чёрных дырах.

Ледяному ветру надоело рвать куртки полицейских, и теперь он гоняет по лесу отвратительную смесь из запаха земли и гнилой плоти. Если зажмуриться и глубоко вдохнуть, то даже с плохим воображением сразу ощутишь себя не на свежем воздухе, а где-нибудь в фамильном, окутанном серебряной паутиной склепе.

Крепкий, лет тридцати пяти, коротко стриженный брюнет среднего роста, в сером полушерстяном пальто с отложным воротником и с застёжкой на чёрных блестящих пуговицах, задумчиво катает между ухоженными пальцами сигарету, из которой уже давно просыпался весь табак.

Терракотовый кашемировый шарф небрежно повязан свободным «французским» узлом. Грустные карие глаза, немного наивные, как у молодого телёнка или персонажа из японского аниме, делают капитана Жильбера Дюрана похожим на Пола Маккартни в лучшие годы. Облокотившись спиной на капот сине-бело-красного полицейского «Ситроена-Берлинго» и обиженно оттопырив пухлую нижнюю губу, он пустым стеклянным взглядом пялится на останки, возле которых склонился медицинский эксперт в синих перчатках из нитрильного каучука.

«Так вот где вы спрятались, мои девочки... Всего лишь час езды от Парижа... Я так вас искал... А вы всё это время лежите тут, в чавкающей мокрой жиже. Обидно так убого закончить жизнь, не начав её... Теперь вас точат черви и полевые мыши, а меня — совесть. Полиция, называется... Хоть в сторожа уходи».

— Салех! — Жильбер окликает высокого смуглого мужчину арабской наружности в полицейской форме с четырьмя белыми полосками на погонах, помогающего молодому рыжему фотографу-криминалисту, с россыпью блёклых веснушек на лице, устанавливать штатив для детальной макросъёмки.

Тот оставляет фотографа и, чуть не запнувшись об алюминиевый чемоданчик с объективами, разложенный прямо на земле под ногами, подходит к Дюрану.

Они знают друг друга давно, ещё со времён восемнадцатимесячного обучения в Канн-Эклюз. Именно Салех Бастиен, получивший после окончания Высшей школы инспекторов Национальной полиции назначение на родину — в Территориальное

управление полиции Эсона — и уже дослужившийся до почётно-го майорского звания, позвонил сегодня Жильберу в Региональное управление Судебной полиции Парижа и сообщил о страшной находке.

Дюран бросил всё и хотел сразу мчаться на место, но мудрый начальник следственного отдела Салех, зная о ревностном отношении местных полицейских к столичным выскочкам, попросил сначала заехать за ним в управление на Бульвар-де-Франс в Эври. Они и поговорить толком ещё не успели, Салех лишь вкратце изложил ситуацию, пока ехали на место.

— Как семья, Сале? — Дюран проглотил букву «х». Он сунул в карман пальто мятую сигарету, от которой остались лишь фильтр и бумага, вытащил из синей пачки вторую и, наконец, закурил. — В мечеть ходишь? Она ведь в Эври вроде как самая большая в стране?

Салеху сейчас не до шуток. Обычно весёлое жизнерадостное лицо друга окаменело и стало серее брезента под черепами. Египетские мумии и те выглядят оптимистичными живчиками по сравнению с ним сегодняшним. Отвечает он отрывисто, будто лает:

— Фатима третьим беременна. Мальчик! Не хожу, пора в атеисты записываться с такими делами, — он кивает на груды костей. — Что это, как думаешь? У нас такого отродясь не случилось... Даже в последние годы... Считаешь, твои?

Дюран пожимает плечами и, глубоко затянувшись, с шумом выпускает дым сквозь сжатые губы, словно курит не сигарету, а косячок травки.

— Кто нашёл?

— Электрики местные. Тут через лес, вдоль дороги, их линия проходит по опорам. Прошло высоким напряжением изолятор — выезжали менять. Один взял свою собачку, вот она трупы и нанюхала. Убежала в лес и лаяла над оврагом, пока рабочие не подошли.

— Молодец какая! Оказалась умнее многих двуногих. Хм... Что-то я в рифму заговорил... Скелеты что, даже землёй не были присыпаны?

— Как видишь. Просто были свалены в кучу, что удивительно. Видно, не очень-то убийцу волновало, найдут их или нет. Только

листьями кости засыпало немного и землёй припорошило. От асфальта до овражка легко на машине доехать, может их прямо из багажника тут и выбрасывали.

Салех задумывается и ещё больше мрачнеет.

— Теперь на мой отдел всех собак навешают.

— Не грусти, нам пока лучше, чем им, — Дюран повёл огоньком сигареты в сторону черепов.

Ему кажется, что он может узнать каждый из них. Вот тот, покрупнее, наверняка принадлежит тринадцатилетней Шанталь Якубу, пропавшей три месяца назад из десятого округа Парижа. Мать послала её за молоком и не дождалась обратно. Затем идёт Карима Томи — ей только исполнилось одиннадцать, но в школу она не ходила: отец считал, что учить женщин — баловство. Её похитили полтора месяца назад недалеко от выхода станции метро «Бельвилль», она — самая последняя жертва.

Остальные пропали гораздо раньше: семилетние Йоханна Одетт из Сен-Дени и Нсия Зонго из Монтрёя; Субира Эрмуэ, шести лет, из Бобиньи; восьмилетняя Эндене Амант из Аржантея. Самой младшей, Элоди Жорж, было всего пять. Семь чернокожих девочек из неблагополучных районов и пригородов Парижа... Но черепов здесь пять, а не семь... Значит, два ребёнка ещё живы, хотя шансы на это стремятся к абсолютному нулю, либо покоятся в другом месте, что выглядит более правдоподобным.

Медик поднялся с корточек, с трудом разогнулся и размял ноги. На усталом вытянутом лице блестит пот.

— Что скажете, шеф? Всё-таки, сколько их здесь? Пять — и все дети? — Дюран бросил окурок под колесо «Ситроена».

Эксперт искоса взглянул на майора и смахнул рукавом крупные капли, выступившие на лбу. Салех кивнул ему, как бы разрешая говорить.

— Да. И подростки. Судя по размерам костей, состоянию молочных и постоянных зубов, возраст погибших — от шести до тринадцати. Погрешность в этот период роста не более одного, максимум полутора лет. Кстати, все трупы — женского пола. Девочки.

Салех, отец двух очаровательных дочурок, громко скрипнул зубами и тихо выругался. У Дюрана тоже только два месяца как родилась Люси, и он испытывает похожие чувства. Он знает, что